

Великая Отечественная война явилась не только тягчайшим испытанием, но и большой школой мужества. Советский народ совершил бессмертный подвиг. Благородные возвышенные цели войны рождали невиданный массовый героизм.

Среди фронтовиков нашего района 16 удостоены звания Героя Советского Союза, четверо – кавалеры орденов Славы. В их числе Телегин, Рязанцев, Мурза, Шишкин, Поздняков, Меркулов, Свиридов, Василевский, Крымов, Кульнев, Михин, Скворцов, Шендрик, Леженин, Сорокин. Полные кавалеры ордена Славы – Попов, Праслов, Усачев, Шепилов...

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Легенды рождаются там, где есть легендарные личности

Рано утром у проходной завода можно было встретить в одно и то же время крепко сложенного, с поседевшими висками мужчину. В семь часов утра он начинал свой рабочий день, обходя все цеха предприятия, чтобы знать истинное положение дел и видеть все собственными глазами.

Много забот было у коммерческого директора большого завода. Война научила его беречь время, ценить людей, находить выход из трудного положения.

Илья Митрофанович Мурза обладал феноменальной работоспособностью. Оперативно и грамотно решал все возникающие вопросы. Внимательно и заинтересованно слушал, причем, никогда не перебивал собеседника.

Много говорить не любил. Коротко, по-военному объяснял, что нужно сделать, советовал, как лучше поступить в том или ином случае. Его деловые и человеческие качества поражали всех, всегда старался быть справедливым руководителем. Умел спросить, но умел и поддержать. Знал дни рождения своих подчиненных и никогда не забывал поздравить с этим событием, сказать теплые слова.

Помимо производственных, приходилось решать и бытовые вопросы заводчан. Посетители робели при встрече с солидным, внешне строгим хозяином кабинета. Но он сразу замечал робость:

– Чего стоишь, как нищий на паперти? Ни куда-нибудь, а на свой завод с просьбой пришел, – с нарочитой суровостью, гово-

рил хозяин кабинета. Потом расспрашивал посетителя, ставил резолюцию на заявлении. У него было два карандаша – красный и синий. Если подписывал красным, значит срочно удовлетворить просьбу. Синим – можно повременить.

Чуткость и доброту отмечали в его характере современники. Послевоенное время создавало людям большое количество тягот, особенно в строительстве жилья. Требовались дефицитные материалы. Решать такие вопросы было трудно. Обращалось с ними много нуждающихся. Иногда уже у дверей кабинета было слышно, что разговор идет крутой, вплоть до крепких выражений и оскорблений с обеих сторон.

Рассказывает фронтовик Митрофан Никитович Коноплин, который в то время работал на заводе:

– Посетительница вышла со слезами на глазах, а я, перешагнув порог кабинета, сразу ощутил накаленную атмосферу. Чувствовалось, что Илья Митрофанович очень расстроен. Он долго молчал, перебирал какие-то бумажки. Потом позвонил по телефону и стал интересоваться каким-то строительным материалом. Подписал мое заявление и попросил, чтобы я догнал обиженную женщину и вернул ее. Позднее узнал, что он извинился за горячность и просьбу удовлетворил.

Мурза не любил блатных, то есть тех, кто получал нужное по блату, с помощью влиятельных лиц. Он вежливо встречал их и вежливо отказывал.

Как-то пришел к нему с просьбой работник торга сделать ему калитку на дачу, бесцеремонно вошел в кабинет.

– Здравствуйте! Я к вам от Петра Дмитриевича. Он просил передать вам привет.

Петром Дмитриевичем звали секретаря райкома. Посетитель небрежно положил заявление на стол.

– Передайте и ему от меня привет, – вежливо ответил Мурза. Помочь вам сейчас ничем не смогу.

Илья Митрофанович был почетным гражданином города Семилуки. До последних дней своей жизни не прерывал связей с заводом, помогал своему последователю осваиваться, передавал свои “секреты” успеха.

.. А начиналась его биография в большой крестьянской семье, которая рано потеряла кормилицу. Чтобы помочь матери, Илье пришлось в тринадцать лет пойти работать молотобойцем к зажиточному хуторянину. Батрачил с 6 часов утра до десяти вече-

ра. После Октябрьской революция власть на селе заметила способного, жаждущего к знаниям юношу и послала учиться.

В годы лихолетья Мурза познал горечь отступления и радость побед. В сорок первом, под Киевом, получил боевое крещение, до самого победного салюта шел по трудным фронтовым дорогам: Сталинград, Курск, Берлин — вехи его боевого пути... Обезображенный войной Сталинград продолжал упорно сопротивляться. Узкой полоской вдоль Волги вытянулся город. Многие кварталы были целиком снесены бомбежкой. На штабных картах пространство измерялось уже не километрами и не улицами, а домами, бои шли за отдельные здания.

В кирпичном трехэтажном доме на уцелевшем втором этаже расположился штаб полка. Штабную комнату тускло освещал фитиль снарядной гильзы. Телефонист в помятой пилотке монотонно, с тревогой, твердил одно и то же:

– Синица! Синица! Я – Сокол. Я – Сокол. Доложите обстановку! – Синица молчала...

– Ну что, майор, если рота Степанова драпанула, дела хреновые: противник может зайти к нам с тыла, – обратился командир полка к нагнувшемуся над картой начальнику штаба.

Посылай разведку, пусть выяснит обстановку. Майор, оторвавшись от карты, крикнул:

– Мурзу ко мне!

Через несколько минут появился командир разведки:

– Товарищ полковник, разрешите обратиться к майору.

– Обращайтесь.

– Товарищ майор, Мурза по вашему приказанию прибыл.

– Илья, бери в помощь морячков и разберись, что творится в хозяйстве Степанова. Если драпанули – верни обратно. Трусов не жалею. Таков приказ Главкомандующего. Приказ товарища Сталина для нас – закон.

В приказе говорилось: “Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования. Таков призыв нашей Родины. Выполнить этот призыв — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага”. Каждый мысленно повторял эти слова, когда ставил свою подпись после ознакомления с приказом.

На стене штабной комнаты появились плакаты, которые только что развесил политрук.

“Назад ни шагу – дело чести. Тому, кто струсит, смерть на месте”. И еще один:

“Шептунов, болтунов, паникеров,

Обывателей мелкую рать

Будет Родина наша с позором,

Как пособников вражьих карать”.

***

Когда разведчики приблизились к позиции второй роты, на встречу бежали солдаты и кричали:

– Не ходите, там немцы!!!

– Назад!!! – громко, властно скомандовал Мурза.

– Назад, – хором повторили разведчики.

Сделали несколько выстрелов вверх, двоих непослушных пристрелили для острастки, другие испугались и повернули обратно.

Моряки расстегнули гимнастерки, надели бескозырки и с криком “полундра” бросились в атаку. Храбрость командира, бесшабашная смелость матросов увлекли за собой остальных.

Гитлеровцы не выдержали натиска и отступили. Они не решились на рукопашную, были наслышаны о дерзости и отваге моряков в рукопашном бою. Немцы называли моряков “черти полосатые”.

Командование ротой взял на себя Мурза. Грамотно организовал оборону. Новые атаки немцев были отбиты.

За бои в Сталинграде Мурза получил орден боевого Красного Знамени и был направлен на краткосрочные шестимесячные курсы в военную академию.

***

На Курской Дуге подполковник Мурза принял командование штрафным батальоном.

(Штрафная часть, особое военное формирование для отбывания военными служащими наказания за уголовные и военные преступления, совершенные в военное время. Использовались на наиболее тяжелых и опасных участках боевых действий. Советская энциклопедия.) О том, как создавались штрафные части, написано в приказе 227:

“После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу? Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает: 1. Военным советам фронтов и, прежде всего, командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы, отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении

дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

г) сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной; сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах. Народный комиссар обороны И. Сталин”.

В штрафном батальоне судьба свела Мурзу с бывшим командиром второй роты Степановым.

За короткое время Степанов сильно изменился, осунулся, постарел. В поношенной солдатской шинели он выглядел пятидесятилетним стариком, хотя ему было чуть больше двадцати пяти.

— Как же ты, товарищ капитан, опростоволосился? Начинал я у тебя взводным. Ты же не из трусливых был и тебя ставили в пример, — спрашивал его Мурза во время беседы.

— Знаешь, Илья, какая-то полоса невезения легла на моем жизненном пути. Все в один месяц: получил сообщение о гибели матери, совершил военное преступление. Ты знаешь, моя рота была на ответственном участке, за время боев потеряла почти весь личный состав, взводных заменили сержанты. На пополнение пришли необстрелянные семнадцатилетние пацаны. Дрогнули в первом бою. Фрицы напали неожиданно. Пьяные, видно, штрафники лезли напролом. Конечно, выбили нас из дома. Я взял с собой несколько бойцов и побежал к ближайшим развалинам, чтобы остановить бегущих, но они повернули в другую сторону, в тыл. Дальше военный трибунал. За оставление позиции без приказа, за трусость осудили на 10 лет с отправкой на фронт.

Так осуждали за воровство, грабеж, даже за убийство, высшую меру наказания заменяли отправкой на фронт. Некоторые тыло-

вики по наивности думали, что их отправят в действующую армию, только по прибытии на место осознали, куда они попадали.

Место, где формировался штрафной батальон, было огорожено колючей проволокой. Охранялось часовыми из войск НКВД, режим и содержание – как у заключенных. Мурза беседовал с каждым прибывшим.

На фанерных щитах под изображением суровой женщины – матери было написано “Кровью искупи свою вину”.

Штрафники вели разведку боем, оружие получали перед атакой. Побывать в такой разведке и остаться живым – все равно, что вернуться с того света. Надо напролом лезть на врага для того, чтобы узнать его силу и расположение огневых точек.

Тринадцать таких разведок провел Мурза со своими штрафниками. Горько шутили они: у нас только два выхода – в наркомзем или в наркомздрав. В могилу или в госпиталь третьего не дано. Второе считали счастьем. После ранения с них снималась судимость, восстанавливались в правах, на чистых простынях отлеживались в госпитале после ада на земле.

После каждой разведки в батальоне оставалась одна треть, а на штабных картах отмечались новые огневые точки.

– Опять, Илья, большие потери. Трех застрелили сами. Воспользовавшись сумятицей, во время отхода с поднятыми руками они пошли к фашистам. Это майор Козлов, начфин полка, осужденный за растрату, начпрод капитан Плотников – за кражу солдатского пайка. Они получили по десять лет с отправкой на фронт. Приговоренному к высшей мере наказания за грабеж и убийство лейтенанту Сутягину “вышку” заменили отправкой на фронт.

– Семья у них есть? – спросил Мурза.

– У майора сын и дочь учатся в школе, у капитана маленький ребенок, у Сутягина никого нет.

– Прежде чем руки поднимать, подумали бы о семьях, сволочи. Ладно, дети здесь не причем. Не будем ломать им жизнь. В донесении напишем, что их отцы погибли смертью храбрых, а о Сутягине напишем: застрелен при попытке перейти к врагу.

Мурза задумался, стал вспоминать приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии сорок первого года.

В приказе говорилось: “Командиров и политработников, во время боя сдавшихся в плен, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту, как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину”.

Глядя на бесславную гибель своих бойцов, бывших офицеров, Мурза сильно переживал, особенно за Степанова.

– Знаешь, Илья, – говорил при встрече тот, – надоели мне эти бессмысленные атаки, надоело быть все время живой мишенью, оглянуться не можешь назад, твой затылок под прицелом краснопогонников. Они не только перед боем, но и в бою “охраняют” нас. Как назло меня не ранят и не убивают. Никак могу искупить свою вину кровью. Умирать страшно и жить не хочется.

– Вызывай ко мне ротных. – На этот раз приказал Мурза Степанову. Ротными были штрафники. Степанов был командиром первой роты, одновременно являлся его негласным заместителем.

Когда пришли ротные, Мурза поставил перед ними задачу: взять высоту:

– Возьмете высоту – искупите свою вину. Разделитесь на две группы. Одна во время артподготовки незаметно приблизится к траншее, которая связана ходами сообщения с ДОТом. Другая после артподготовки начнет атаку, возьмет весь огонь на себя. Этим должна воспользоваться первая группа и захватить ДОТ, который преграждает путь к высоте, детально вас познакомит Степанов. Он знает расположение противника, как и откуда стреляют.

Ночью огонь нашей артиллерии обрушился на передний край обороны противника. В это время первая группа штрафников стала приближаться к вражеским траншеям. Пятеро отважных вместе со Степановым подползли к пулемету противника. Около пулемета находилось два солдата. Не задумываясь, Степанов бросился на пулеметчика. С другим расправились подоспевшие штрафники. Овладев пулеметом, Степанов повернул его против немцев.

Между тем, подтянув по ходам сообщения подкрепление, немцы под прикрытием сильного огня пошли в контратаку.

Ранили Степанова, замолк пулемет. В траншее шла рукопашная. Фашисты приближались к ДОТу.

Наблюдавший за боем Мурза скомандовал:

– Всех ко мне.

Он имел в виду тех, кто охранял штрафников и заградительный отряд. С таким приказом он послал своих подчиненных.

– Поднимай своих ребят, надо поддержать штурмующих высоту, – обратился Мурза к командиру заградотряда.

– Нам не положено, товарищ подполковник.

Знаю! Не положено и срывать наступление. Если не возьмем

высоту, оно может пройти с большими потерями. Ответственность беру на себя. Выполняйте приказ старшего!

Сам повел заградотряд в атаку.

– Братва, батя с нами! – разнеслось среди штрафников. Высоту взяли. На носилках несли и раненого Степанова.

Мурза подошел к нему.

– Илья, спасибо тебе за все, – сказал он слабым голосом.

– Тебе тоже спасибо, товарищ капитан. Тебя я представил к награде.

– Подбежал запыхавшийся связной:

– Товарищ подполковник, вас вызывает “Лампа”, на проводе Первый.

Через несколько минут Мурза был на командном пункте. Взял трубку у телефониста:

– “Лампа”, я “Газета”, Пятый слушает.

– Пятый, доложите обстановку!

– Высоту взяли, немалые потери, пришлось бросить в бой заградительный отряд.

– Не волнуйся, Пятый, с красноперыми, как вы их у себя называете, мы договоримся, главное, открыли путь для наступления.

– Товарищ Первый, много “горячих”, требуется транспорт для эвакуации.

– Транспорт будет. Заканчиваете свои дела и приезжайте к нам в хозяйство.

Наступление шло успешно, генерал был в хорошем настроении. Принял радушно: – Делайте дырку для ордена, подполковник Мурза. Считаю, что батальон вы уже переросли, примите полк. За успешное проведение разведок подполковник Мурза был награжден вторым орденом Боевого Красного Знамени и назначен командиром 45 стрелкового полка 70-й армии. После разгрома Данцигской группировки полк перебросили на Одер.

***

...Ранней была весна сорок пятого года. Быстро сошел снег, полезла к солнцу трава, оделись в листья деревья.

Казалось, даже природа, и та устала от войны. Израненная земля никак не могла дождаться пахаря... Победный май спешил к людям. Спешили и люди приблизить его.

Теплым апрельским утром стрелковый полк, которым коман-

довал подполковник Мурза, вышел к Одера. Противник превратил левый берег в мощный рубеж обороны. Чтобы затруднить переправу, он открыл шлюзы, и река разлилась, как море. Попытки с ходу преодолеть ее успеха не имели.

Полк стал скрытно готовиться к форсированию Одера. Усталые после боев, солдаты почти четверо суток не смыкали глаз. День и ночь на озере вблизи реки отрабатывали приемы форсирования. Командир полка знал, что его воинам тяжело, их силы находятся на пределе, но он придерживался правил на войне: больше пота на ученье – меньше крови в бою.

В ночь с 19 на 20 апреля начался штурм водного рубежа.

Сразу, как только стемнело, саперы быстро подтянули к берегу переправочные средства. Заухала наша дальнобойная артиллерия, заиграли “катюши”.

В каске, с автоматом на груди, в накинутой на плечи плащпалатке Мурза руководил погрузкой десанта. Кто-то из штабных офицеров хотел уговорить его остаться:

– Война кончается, чего зря на рожон лезть, товарищ подполковник, могут обойтись и без вас.

– Вот поэтому и лезу, чтобы война скорее кончилась, – оборвал Мурза и крикнул ординарцу: – Командиров первого и второго батальонов ко мне!

И уже спокойно сказал подбежавшим офицерам:

– Прикажете бойцам побольше взять гранат, траншеи будем брать с ходу. Подошла амфибия. Мурза прыгнул в нее, за ним – командир первого батальона с автоматчиками. Под прикрытием темноты поплыли к противоположному берегу.

С неприятельской стороны взвилась осветительная ракета, за ней – другая, третья... И воздух потрясли залпы немецких минометов. Вздыхливая воду, все ближе и гуще около лодок падали мины. Одна из лодок, не достигнув берега, пошла ко дну.

Слышались крики утопающих и стоны раненых. Медленно ползло время. Каждая прожитая минута была здесь вечностью.

Десантникам казалось, что они переплывают не реку, а бушующий океан. Вот тогда подполковник понял, что он здесь нужен. Присутствие командира полка придавало солдатам мужества, подавляло страх.

Переправившись через реку, два батальона с ходу ворвались во вражеские траншеи. Завязалась рукопашная. В цепи атакующих был и командир полка.

Двенадцать часов войны удерживали плацдарм. Потом подошло подкрепление. Так был открыт путь на Берлин 70-ой армии. За форсирование реки Одер Илье Митрофановичу Мурзе было присвоено звание Героя Советского Союза

Немало подвигов на счету у этого отважного офицера. Кроме Звезды Героя коммунист И. М. Мурза был награжден орденом Ленина, двумя орденами Боевого Красного Знамени, Отечественной войны первой степени, орденом Красной Звезды и пятью медалями.

Илья Митрофанович и воевал храбро, и работал на совесть. Неустанный труд ветерана в послевоенные годы отмечен орденом Октябрьской Революции, медалью “За восстановление предприятий черной металлургии Юга”. Много лет отдал развитию Семилукского огнеупорного завода, обновлению производства, модернизации оборудования, наращиванию мощностей предприятия.

***

Труд Мурза считал главным в жизни – он для него источник вдохновения, бодрости и долголетия.

“За всю свою жизнь, – говорил он, – болел только гриппом. Всего один раз лежал на больничной койке – в госпитале после ранения”.

Когда его провожали на пенсию, он сказал: “Считайте, что меня хоронят. Вряд ли я долго протяну без своей привычной работы.

На застолье по случаю проводов меня на заслуженный отдых зазвучат хвалебные речи как на поминках, также со словом был...”

К сожалению, тревога Мурзы была не напрасной. Без завода он не видел смысла жизни.

На пенсии он почувствовал депрессию и усталость. Организм не выдержал резкого перехода с интенсивного труда на покой. Перестало биться сердце легендарного воина двадцатого века.

Герои не умирают, они живут в памяти народной, на их подвигах воспитываются новые поколения. Одна из улиц города Семилуки носит имя Мурзы.